

ТЕКСТОВА І ПРАГМАТИЧНА ЗІСТАВНА СЕМАНТИКА

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

(на основе сравнительного анализа незнаменательной лексики
немецкого и русского языков)

БАБАЕВА Р. И.

Ивановский государственный университет

Интерес лингвистов к прагматическому аспекту высказывания позволил дать подробные описания семантики служебных единиц, которые долгое время казались туманными и незначительными для достижения коммуникативных целей, таковыми считались модальные частицы. При раскрытии понятий пресуппозиций и речевых актов в качестве иллюстративного материала привлекались слова, выступающие в функциях модальных частиц. Достижения исследователей, работающих в рамках прагматического направления, проявились в значительной мере в том, что были найдены средства описания служебных слов, значимых для реализации и идентификации интенций говорящего, что позволило дать характеристику модальным частицам как особому классу служебных слов.

Перемещение внимания с отдельного высказывания на текст, когда текст стал рассматриваться как процесс, а не как результат речевой деятельности, высветило новые функции незнаменательных слов, определяющие процесс коммуникативного взаимодействия. Дискурсивный подход в лингвистике привлек внимание к частицам, организующим общение. Эти частицы в специальной литературе описываются как диалогические. При описании лексических средств, выполняющих метакоммуникативные функции в диалоге не всегда бывает возможно провести границу между частицей и междометием.

Таким образом, в ходе становления и развития дискурсивного направления в лингвистике стало очевидным, что в лексической системе языка существуют слова, которые специализируются на обслуживании дискурсивного уровня. Они противопоставляются словам, обслуживающим грамматическую сторону предложения и текста.

На основе анализа немецкоязычного повседневного общения была определена система лексических единиц, которые служат для передачи дополнительного содержания, они важны для организации интеракции и передачи прагматически значимой информации. В системе данных лексем были выделены три группы языковых единиц – слова и устойчивые сочетания, специализирующиеся на организации речевого взаимодействия, слова и сочетания, специализирующиеся на передаче дополнительных смысловых нюансов, и слова и сочетания, специализирующиеся на манифестации эмоциональности.

Прагматический компонент может быть основным значением слова, это модальные частицы, междометия. Прагматический компонент может быть периферийным значением слова, это слова разных частей речи, которые могут в отдельных контекстах выполнять прагматические функции. Прагматическое значение является окказиональным и не зафиксировано словарями.

Остановимся более подробно на группе слов, у которых прагматический компонент составляет основу значения. Семантика частиц и междометий определяется их функциями в речи, они могут выполнять модальную функцию (быть актуализаторами “мира скрытой семантики” и тем самым делать однозначной иллюкцию высказывания), эмотивную и метакоммуникативную функции [1]. Представляет интерес сравнить данные слова, специализирующиеся на выполнении прагматических функций в речи, в различных языках. Рассмотрим некоторые лексические средства в русском и немецком языках, которые помогают процессу общения, так как они выполняют в бытовом дискурсе метакоммуникативную функцию. Сравним немецкие высказывания, содержащие метакоммуникативные элементы, с их эквивалентами в русском варианте анализируемого произведения.

Так, следующие слова и сочетания сигнализируют, что коммуникант берёт инициативу в свои руки при смене говорящего, – *na ja, nun also, ja also, also, nun* и другие. Р. Ратмайер замечает, что открывая свою реплику частицей, говорящий даёт собеседнику как бы режиссёрское указание: я взял роль говорящего и сейчас что-то скажу. При этом выбор слова в начале реплики зависит не только от личного вкуса говорящего, но обнаруживает и определённые закономерности, которые связаны с содержанием данной инициальной реплики [7, с. 329].

Так словом *also* даётся указание, что вводимая далее информация является продолжением ранее сказанного, в данный момент может быть подведен некоторый итог.

В следующем диалоге *also* служит для привлечения внимания и для придания высказыванию значения обобщения, вывода из сложившейся ситуации или значимости приводимого аргумента.

“**Also**”, begann Klepikov, „damit alle Anwesenden die besondere Eigenart dieses Verbrechens verstehen, muß man sich...” [8, p. 316] С помощью слова *also* говорящий подчёркивает, что он начинает высказывание, которое служит дальнейшему развитию обсуждаемой темы и подведению некоторого итога ранее сказанного. Как правило, последующая реплика представляет собой развёрнутое сообщение. В подобных сообщениях *also* может иметь в русском языке следующие эквиваленты “итак”, “итак значит”, “ну что ж (же)”.

Это слово, несмотря на то, что служит для привлечения внимания собеседника, в ряде случаев ориентировано больше на говорящего, который прежде всего для себя делает некоторое обобщение, корректирует свои знания. “...Wie heißen Sie?” – “Was spielt das für eine Rolle? Eva”... – “**Also** Eva. Ich schätze mal, Sie sind Bibliotheksleiterin in einer Schule für geistig behinderte Kinder...” – “...Как вас зовут?” – “Какая разница? Ева...” – “**Значит**, Ева. Завбиблиотекой школы для детей с задержкой умственного развития” [8, p. 36; 5, с. 47] Употреблением слова *also* коммуникант привлекает внимание к последующей информации и как бы даёт себе некоторое время для формулирования своей реплики: “Значит, Ева”.

В вопросах, вводимых словом *also* говорящий уточняет свои предположения, что в русском языке может соответствовать реплике – вопросу с сочетанием “так значит” “**Also** bin ich immer noch nicht frei?” [8, p. 125] “Значит, я всё ещё не могу быть свободной?” [5, с. 172].

Сочетания *also* с наречиями *gut*, *schön* в начале фразы обозначают согласие говорящего, но у него есть некоторые сомнения, это как бы согласие после некоторого раздумья. “**Also** gut, lassen wir das mal so stehen...” “Допустим. Но вы должны знать...” [8, с. 126; 5, с. 173]. Эквивалентами к данному сочетанию могут быть реплики – “ну хорошо”, “ну ладно”, “допустим”.

В немецкой разговорно-обиходной речи широко используется частица *na* и различные сочетания с этим словом, которые открывают высказывание. Это могут быть сообщения, вопросы, высказывания директивного типа. Во всех случаях эта частица служит сигналом для привлечения внимания говорящего.

Чаще всего сочетание *na ja* показывает стремление говорящего к установлению доверительного отношения или примирения, если имел место конфликт. Это слово или сочетание, вводящее реплику, ориентировано больше на партнёра по коммуникации.

“**Na ja**, ich habe doch die Anzeige gelesen”, erklärte sie mir flüsternd. “Man suche echten Schmuck ... leihweise, für gutes Geld. Und wir haben schließlich so schwere Zeiten, Sie wissen schon. Ich bin ganz allein, und so wenig Rente...” “Вот, объявление прочла, – шёпотом пояснила она. – Требуется настоящие украшения... За приличные деньги, напрокат... А сейчас такое время, сами знаете. Я одна, а пенсия крохотная” [8, р. 31; 5, с. 39]. Сочетание *na ja* (ну вот) употреблено в начале реплики и сигнализирует о том, что старушка открыта для общения, инициатором которого была её собеседница. Она ответила на заданный ей вопрос развёрнутой репликой, о доверительности свидетельствует и замечание автора о том, что она оказалась разговорчивой и свою информацию сообщала шёпотом.

“Ich muß mir jetzt einen anderen Job suchen”. “**Na ja**, es gibt viele Filmteams, such dir ein aus” – “придётся теперь подыскивать другую работёнку” – “Ну, групп много, подберёшь себе подходящую” [8, р. 308; 5, с. 442]. В данном контексте открывающее реплику сочетание частиц *na ja* также показывает, что говорящий доброжелательно настроен по отношению к партнёру по коммуникации. Данное сочетание помогает слушателю опознать иллокутивную силу высказывания и понять, что это не просто сообщение информации, а утешение, совет человеку в трудной ситуации.

“**Na**, noch nicht verreckt?” erkundigte ich mich schließlich freundlich. “Не подох? – наконец осведомила я, дав Бубякину несколько минут на приход в куцее сознание” [8, р. 20; 5, с. 24]. Частица *na* будет соответствовать русской частице “ну что” и служит для выявления выяснения того, в каком состоянии один из участников разговора. В данной ситуации общения между коммуникантами имеет место конфликт. Употребление частицы сигнализирует, что говорящий готов к примирению. В русском варианте частицы нет, но контекст более развернут и миролюбивое настроение героини передаётся другими средствами.

С помощью некоторых частиц говорящий даёт слушателю понять, что он пока ещё не хочет передать слово собеседнику, и в данный момент просто размышляет о последующей реплике. В этой функции используются слова *hm*, *äh-äh*, *tja*, *jaja* и другие, которые считаются заполнителями пауз и средствами “ремонта” диалога (Reparaturmechanismen) [6, с. 270].

Частицей *hm* говорящий сигнализирует, что он испытывает некоторое замешательство и затруднения при формулировании последующего высказывания, задумался, но пока ещё не хочет уступать роль говорящего собеседнику. Похожую трактовку можно найти и при описании русского эквивалента *эм*, где отмечается, что это структурное слово может употребляться как средство выражения сомнения, недоверия, иронии, замешательства, смущения [4, с. 88]. Узнать, что конкретно сигнализирует это слово – простое замешательство или иронию, собеседник может на основе знаний о ситуации общения. Как «ремонтный механизм» используются и слова *äh-äh*, *eh* в следующих примерах.

“Wie hat er das denn gemacht?” “**Äh-äh...**” Serga sperrte den Mund auf und setzte zu einer Erklärung an, kam aber sofort ins Schleudern. “Как же это ему удалось?” – “Э-э ... – Серьга было открыл рот, чтобы объяснить, но тут же озадачился”) [8, р. 16; 5, с. 17].

Для того чтобы коммуникация была успешной, слушающий должен в процессе общения показывать, что он слушает, и при этом проявлять интерес. В немецком языке в этой функции выступают следующие языковые единицы – *so; so, so; aha, eben, genau, echt* и другие. При этом слушатель не пытается взять роль говорящего, он лишь показывает, что он внимательно слушает. Если этого не происходит, говорящий может усомниться и проверить, осуществляется ли коммуникация (*Ты меня слышишь? Ты меня понимаешь?*).

В немецком языке существует обширный арсенал средств, которые могут использоваться говорящим для активизации речи собеседника – *also los, na und*, иницирующие вопросы и другие языковые средства [3, с. 27–28; 2, с. 13].

“**Und?**” fragte Mitja ungeduldig. – “Alles in Ordnung”. “Ну?” нетерпеливо спросил Митяй, когда я положила трубку. “Всё в порядке” [8, р. 211; 5, с. 302].

“**Und dann?**” fragte ich leise. “Dann war alles vorbei, ganz plötzlich... Von diesem Tag an war einfach Ruhe.” – “**Und dann?**” “Dann bist du gekommen. Das ist alles.” “А потом?” – тихо спросила я. “А потом всё прошло...” “А потом?”... “Потом появилась ты” [8, р. 214; 5, р. 306].

О смене коммуникативных ролей может сигнализировать и вопрос “**Na und?**” (“А что?”), который употребляется в качестве ответной реплики в тех случаях, когда говорящий хочет побудить собеседника к продолжению высказывания. “Hallo, Alte! Hast du dir einen Typen angelacht?” Ich antwortete mit undeutlichem Genuschel und der einsilbigen Frage: “**Na und?**” “Привет, старуха! Закадрила паренька?” Я отделалась нечленораздельным причмокиванием и односложным вопросом: “А что?” [8, р. 116; 5, с. 159].

Наряду с названными выше лексическими средствами следует ещё остановиться на словах, с помощью которых говорящий сигнализирует, что не хочет больше обсуждать тему, о которой говорит его собеседник. Это могут быть реплики со словами *eben, einfach*, устойчивые высказывания типа “*so ist da nun*”, “*das hast du nun davon*“, “*na eben*“, “*das ist es ja eben!*“, “*ja, eben, eben, eben!*”.

“Hier ist ja richtig was los”, sagte ich beifällig zu Bujakin. “So ist das **eben**”, antwortete er zerstreut. “Да у вас здесь жизнь ключом”, – одобрительно сказала я Бубякину. “Что есть, то есть”, – рассеяно ответил он [8, р. 25; 5, с. 31].

В данном примере словом *eben* говорящий сигнализирует, что не хочет далее обсуждать тему, которую предлагает ему для разговора собеседница, и он переходит к обсуждению другого вопроса. О том, что слово *eben* может в реплике сигнализировать окончание обсуждения вопроса, отмечалось в работе Р. Ратмайер, где приведён немецкий пример и даётся его русский вариант:

A: *Ihre Fahrkarte bitte!*

A: Ваш билет, пожалуйста.

B: *Ich habe keine.*

Б: У меня нет билета.

A: *Wieso haben Sie keine?*

A: Почему у вас нет билета?

B: *Ich habe eben keine*

Б: Просто нет.

[7, p. 245].

Итак, приведённые примеры могут свидетельствовать о том, что в лексических системах немецкого и русского языков имеются языковые единицы, которые наряду с другими вербальными и невербальными средствами выступают в функции маркеров коммуникативных ролей и сигналов установления и поддержания внимания. Указанные прагматические компоненты должны найти отражение в двуязычных лексикографических изданиях. Для частицы *eben* может быть предложена следующая словарная статья, где учитываются и пресуппозиции, выражаемые частицей, и соответствующие типичные контексты, и типичные клишированные фразы.

Eben <усиление за счет указания на очевидность>

1. именно, как раз

Das ist mir eben recht – это мне подходит, это меня устраивает.

Du kommst eben recht – ты пришёл как раз кстати.

Das ist es (ja) eben – вот именно, в том-то и дело, именно это я имел в виду.

Hier ist eben der Haken – вот в чём загвоздка.

Das eben ist nicht gut – это-то как раз [именно] и нехорошо.

Das ist nicht eben gut – нельзя сказать, чтобы это было хорошо.

2. (в повеств. пр.: при подтверждении, уступке, согласии, обосновании, указывает на завершение обсуждения вопроса) просто, ведь.

Das ist nun eben (einmal) so – тут уж ничего не поделаешь, это так и будет, с этим надо примириться, что уж тут поделаешь

Er ist eben ein Faulpelz – он (ведь) лентяй, этого отрицать нельзя; в том-то и дело, что он лентяй

Ein Dummkopf ist eben ein Dummkopf. [Was wird er schon begreifen?] – Дурак, он и есть дурак. Что он поймет.

Die Arznei hat eine Verschlechterung bewirkt, man hätte sie eben dem Kranken nicht geben sollen – лекарство вызвало ухудшение, значит, его не нужно было давать больному

3.(в побудит.пр.) так

Heute früh hab ich schon wieder die S-Bahn verpasst. – Steh eben morgen früher auf! – Я сегодня опять опоздала на электричку. – Так вставай раньше!

Sage eben! — скажи-ка! *Komm eben mal her!* – подойди-ка!

Wenn du nicht willst, dann laß es eben bleiben! – не хочешь – не надо!

4. (в воскл. пр.)

Na eben! – то-то!; вот именно!

Dann eben nicht – ну в таком случае [тогда] не надо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Р. И. Незнаменательная лексика в обиходном дискурсе (на материала немецкого языка) / Раиса Ивановна Бабаева. – М. : МПГУ, 2008. – 331 с.
2. Быковская С. И. Фатический аспект немецкой обиходной речи : дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Светлана Ивановна Быковская. – М., 2003. – 268 с.
3. Девкин В. Д. Диалог : Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской / Валентин Дмитриевич Девкин. – М. : Высшая школа, 1981. – 160 с.
4. Морковкин В. В., Луцкая Н. М., Богачева И. Н. Объяснительный словарь русского языка : Структурные слова : предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, И. Н. Богачева. – М. : Астрель-АСТ, 2003. – 426 с.
5. Платова В. Эшафот забвения. – М. : Астрель, 2004. – 507 с.
6. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P. R. Studienbuch Linguistik / A. Linke, M. Nussbaumer, P. R. Portmann. – Tübingen : Niemeyer, 1996. – 463 s.
7. Ratmayr R. Die russischen Partikeln als Pragmalexeme / R. Ratmayr. – München : Otto Sagner, 1985. – 356 s.
8. Platova V. Die Diva vom Gorki-Park : Kriminalroman. Aus dem Russischen von Olga Kouvchinnikova und Ingolf Hoppmann / Platova V. – Berlin : Aufbau-Taschenbuch-Verl., 2003. – 355 s.

ПЕЙЗАЖНІ ОПИСИ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМУ ПРОСТОРІ ХУДОЖНЬОГО ТЕКСТУ

БОСАК Н. Ф., КУЧЕРЯВА О. А.

*Південноукраїнський національний педагогічний
університет імені К. Д. Ушинського*

У зв'язку з поступом когнітивної лінгвістики в останні роки особливого розвитку набуває когнітивний напрям вивчення тексту, що “має на меті дослідження змісту тексту шляхом моделювання когнітивних структур репрезентації знань, які зумовлюють породження й розуміння тексту” [8, с.489], вивчення концептуального простору тексту, а також культурних концептів (Т. ван Дейк, О. М. Кагановська, О. С. Кубрякова, З. Д. Попова, Л. В. Поповська, Й. А. Стернін, О. О. Селіванова, Ю. С. Степанов та інші).

З позиції когнітивної лінгвістики художній текст – це “складний знак, який виражає знання письменника про дійсність, втілені у його творі у вигляді індивідуально-авторської картини світу” [1, с. 24]. Таким чином, вивчення семантики тексту можливо здійснювати з опорою на ключові поняття лінгвоконцептології – концепт, концептуальний простір, концептуальний аналіз. Як стверджує В. А. Кухаренко, концептуальність художнього тексту можна вважати його основною категорією у взаємозв'язку з категорією інформативності. При цьому текст сприймається як структурно-сміслові та комунікативні цілі, в якому змістовно-концептуальна інформація виражається за допомогою когнітивних і власне мовних знаків.

Об'єктом аналізу було обрано пейзажні описи як когнітивні знаки художнього тексту.